

Особый почтовый

Автор:

Алексей Пехов

Особый почтовый

Алексей Юрьевич Пехов

Мир на границе Изнанки

Эльф Лас, курьер и контрабандист, оказывается вовлечен в авантюру, связанную с борьбой за власть среди гномьих кланов. Впереди его ждут бои, погони, любовь и награда...

Алексей ПЕХОВ

ОСОБЫЙ ПОЧТОВЫЙ

ГЛАВА 1

в которой происходит неожиданная встреча, повлекшая за собой еще более неожиданные, но крайне неприятные для нас последствия.

Мало хорошего, когда по тебе стреляют пушки. Еще хуже – если без всякого зазрения совести лупят прямой наводкой все тридцать два орудия правого борта.

Хотя, если подумать, совесть и гном – вещи столь же несовместимые, как ум и гoblin, или огр и чувство юмора. Впрочем, чихать я хотел на совестливых гномов. Ненавижу бородатых недомерков совсем за другое – их страшную паранойю. Каждому недоумку известно: именно по этой причине находиться поблизости от гномьего племени – значит рисковать своей головой.

Подгорные бойцы столь подозрительны, что стреляют много, часто и обычно во все, что имеет глупость пошевелиться в их присутствии. Этот склочный народец, как только ему предоставляется случай, пускает в ход что под руку попадет – начиная от абордажных секир и заканчивая тридцатифунтовыми ядрами, заряженными какой-нибудь магической дрянью.

Даже предполагать не буду, отчего недоростки взъелись на нас с Огом. То ли решили, что мы хотим нажиться за их счет, то ли им не понравилась шмелиная расцветка «Ласточки», то ли попросту маялись от безделья.

Едва стреколет выскочил из облаков, как галеон «Ост-Гор-хайн-гномской компании» отсалютовал нам залпом. Слава духам воздуха – наша малышка невелика и быстра. Не то что гномье корыто. Когда правый борт галеона харкнул огнем и дымом, я выжал из демона, заключенного в стальное брюхо стреколета, все, на что тот был способен.

Мое перышко клюнуло носом, ухнуло вниз и поднырнуло под днище воздушной громадины. Возникни у меня такое желание – я бы дотянулся рукой до ярко-алого кия, так близко мы пронеслись от него.

Сидевший в передней кабине Ог обернулся, в защитных очках его старого шлемофона отразилось солнце. Приятель открыл пасть, но ветер сожрал слова, и я услышал лишь:

– В... ка! В... ка!

Скрыться в облаках – вполне здравая мысль. В особенности если видишь, что фрегат, неожиданно вынырнувший в пяти сотнях ярдов, поспешно разворачивается и тоже открывает пушечные порты.

Ог вновь обернулся и что-то проорал. Судя по его взбешенной зеленой морде – проклинал меня за медлительность. Вот только чтобы добраться до этих самых

облаков, следовало пролететь больше мили под прицелами вражеских пушек, «молний» и магов. Бородатые, конечно же, не преминули воспользоваться этим обстоятельством. Сочли «Ласточку» жирным селезнем, который только и ждет, чтобы его подстрелили.

У меня над ухом раздался такой звук, словно пьяные великаны в бешенстве разрывают собственные туссы. Щит верхней полусферы мигнул холодным огнем. Зенитчики, забирай их Небо! Клянусь той дрянью, что мы перевозим, – краску они нам с борта ободрать умудрились. Вот теперь Ог точно разозлится! Опять ему махать кисточкой, работая маляром.

Я чуть отклонил нос в сторону, чтобы сбить им прицел, развернул стреколет и избежал заградительного огня фрегата, не пожелавшего пропустить нас. Пришлось вертеться. Надо бы проскочить где-нибудь в другом месте, подальше от дальнобойных орудий. Я старался держать «Ласточку» так, чтобы корпус галеона находился между ней и выставкой оружия недоростков, сиречь фрегатом. К последнему не стоило приближаться за все сбережения бородатых – чудовище, при должной удаче, разнесет нас в пыль и не поморщится.

Проносясь мимо носа галеона, я умудрился прочесть его название – «Всепрекраснейшая и всеюнейшая, всепотрясающая и всенедоступнейшая фрекен Ум-Горх Валентина пятая». Гномы большие оригиналы – придумывают так, что язык сломаешь и мозги свихнешь, прежде чем умудришься запомнить.

Что-то вжикнуло, и наш магический щит лопнул, точно был сплетен из стекла, а не из лучших отражающих чар. «Ласточку» тряхнуло. Да так, что у меня от неожиданности клацнули зубы.

На нас с ревом рухнула пара серо-синих «Молотов Глубин», атаковав со стороны задневерхней полусферы. Вот уж не знаю, где они были раньше, но появились совершенно не вовремя.

«Молоты» очень похожи на своих создателей – гномов. Приземистые, несуразные, закованные в броню. Щитов на них намотано больше, чем капустных листьев вокруг кочерыжки, а орудий убийства бородатые и вовсе не жалеют. Вешают на стреколеты все, что найдут на оружейном складе.

Я не собирался мериться с ними силенками. Будь у меня «Серебряный источник» или «Развратник» – другое дело. А вот когда управляешь быстрым, но слабым «Шершнем» – не до воздушных схваток с тяжеловесами. Ребятам только волю дай – поймут под перекрестный огонь или того хуже – затянут в карусель. Сам не заметишь, как окажешься под главным калибром фрегата и получишь в задницу стаю огнепчел или еще чего похуже.

Они словно читали мои мысли. Первый попытался исполнить роль загонялы. Второй держался в некотором отдалении, предоставляя товарищу возможность превратить нас в решето.

Пришлось заставить «Ласточку» показать, на что она способна. Земля и небо завертелись перед глазами, как ошпаренные. Облака оказывались то вверху, то внизу. Огнепчелы алыми трассерами разрывали воздух в опасной близости. Пока ребята мазали, но долго так продолжаться не могло – рано или поздно либо у них улы опустеют, либо у нас удача кончится.

С набором высоты и скоростью у «Молотов» не все гладко, поэтому я решил сыграть в старую игру. Уходил вверх до той поры, пока скорость не стала падать, а затем завалил «Ласточку» на правый борт. Отжал рукоять жезла от себя и, вместе с воем ветра, сорвался вниз.

Гномы, конечно же, клюнули. По-другому и быть не могло. В бою и азартных играх это племя забывает о такой замечательной вещи, как мозги. Ребята, совершив неполную петлю, рухнули за нами, словно грифы за брошенным со скалы куском мяса. Они разве что не визжали от восторга, правда, на наше счастье, продолжали безбожно мазать. Падение вышло веселым и затяжным. Я едва не пропустил момент, когда следовало выровнять стреколет по горизонту. Невидимая сила тут же вдавила нас в кресла, в глазах на краткое мгновение потемнело, и я вполне мог представить себе, каково сейчас гномам.

Недомерки явно забыли, что «Молот» – это не «Шершень», и так просто на нем из пикирования не выйти. Слишком тяжел и медлителен. А уж когда он хорошенько разгонится, и вовсе превращается в тупой неуправляемый булыжник. Гномы не экономят на защите и оружии. И иногда это играет с ними злые шутки. В особенности на критических высотах.

Одному из ребят повезло. Он худо-бедно смог выровнять своего увальня, едва не черпанув брюхом соленой воды. А вот его запальчивому приятелю счастье не улыбнулось. Гном нырнул безо всякой надежды на скорейшее всплытие.

Прежде чем уцелевший преследователь успел очухаться, я крутанул на прощание бочку, нырнул в облака и был таков.

Нас сразу же потеряли, я лег на курс домой, и тут у Ога случился припадок. Приятель повернулся ко мне и начал вопить.

Орет он – будь здоров. Но я сделал вид, что оглох и ослеп. Провернуть подобный трюк не так-то просто. В особенности, если тот, кто кричит, в три раза тяжелее тебя. Не знай я Ога, пожалуй, испугался бы. Клыкастая морда, здоровые лапы, свирепые глаза. Да и что взять с дикого орка?

Когда вопли достаточно усладили мой слух и стало понятно, что на этот раз мне не услышать о себе ничего нового, я улыбнулся и помахал рукой, показывая тем самым, что все не так уж и плохо.

В ответ напарник, зло сплюнув, отвернулся.

Просто душка. Кому скажи, что он мой компаньон и мы вместе рассекаем небо уже восемь лет, – не поверят. Обычно у такого, как я, и у такого, как он, мало общего. Но мы по доброй воле оказались в одной упряжке, и до сих пор ни один из нас другого не убил.

Что удивительно.

Сегодня партнер отчего-то счел, будто я виноват в том, что мы нарвались на конвой. Хотя встреча и впрямь была очень странной. Не спорю. Недомерки – ребята осторожные. Так близко от Черепашьего острова отродясь не ходили. Бородатые гады знают, что даже в сопровождении хорошо вооруженного фрегата может возникнуть масса проблем, если они нарвутся на кого-нибудь из ловцов удачи, в особенности на Черного Ага с его бандой.

Что галеон подземного племени забыл в такой дыре, как наша? У них же есть свои, налаженные и хорошо охраняемые фарватеры. Какого, спрашивается, Неба

полезли они туда, где полно пиратов?!

Что дела не так хороши, как хотелось бы, я понял где-то через полчаса после выволочки. Ог подозрительно быстро остыл. На него это было не похоже. Обычно если орк начинал нудеть, то занимался этим целую неделю, а то и больше.

Судя по двум рядам ровных дырок, тянувшихся от носа до кабины напарника, нам крупно повезло, что мы все еще живы, а не летим к праотцам. Получить в борт целую очередь огнепчел – не шутка. От такого погибали и более крупные птицы, чем наша...

Ог поднял вверх указательный палец и покрутил им в воздухе. Это означало «прибавь ходу». Я сделал, как он просит, и тут же почувствовал сопротивление со стороны демона. «Ласточка» шла на пределе минут двадцать, слушаясь управления все хуже и хуже, а затем одна из трех Печатей, удерживавших тварь Изнанки, выгорела.

Едкий черный дым повалил из простреленного корпуса, и мы начали медленно снижаться.

– Сможешь что-нибудь сделать?! – проорал я.

Ог, занятый лихорадочными расчетами на каббалистической доске, лишь пожал плечами, но затем все же соизволил рявкнуть:

– Все три Печати повреждены!

Понятно, куда он клонит. Рано или поздно цепи выгорят, и демон вырвется из «Шершня», превратив стреколет в груды бездушного железа. Кстати, последнее уже начало происходить – «Ласточка» на глазах превращалась в упрямого осла, то и дело рыская вправо-влево или, того хуже, пытаясь начать сваливание [1 - Сваливание – термин, обозначающий состояние стреколета, при котором тот неспособен продолжать полет из-за нехватки скорости. Сваливание обычно происходит при длительном наборе высоты и горизонтальном полете на малых скоростях. В таких случаях стреколет попросту «клюет носом» и, пока не наберет требуемую скорость, – падает.]. Вцепившись в жезл обеими руками, я прилагал массу усилий, чтобы удержаться на прежнем курсе.

Пузатое, точно переспевшая вишня, солнце ныряло в море, явно предрекая нам такую же участь. Вот-вот должно было стемнеть. В тропиках с этим быстро – не успеешь оглянуться, а вокруг уже ночь. Похоже, мы не успеем добраться домой до темноты, а значит, придется ориентироваться почти вслепую.

– Дотянешь?! – проревел Ог.

– Не знаю! У тебя есть чем расшевелить этого парня? Мы снижаемся слишком быстро!

– Работаю!

– Пошевелись, если не хочешь добираться до берега вплавь! Потянулись бесконечно долгие минуты. Дважды рычание демона почти стихало, и тогда мы проваливались вниз сразу на несколько десятков ярдов. Моя спина взмокла от пота, руки затекли, ладони горели, ноги на педалях высоты стонали от напряжения.

В этот момент в кабине Ога полыхнуло – напарник всадил в доску одну из своих бесценных рубиновых игл. Орк нашел точку и умудрился на время замкнуть цепь, создав призрачную Печать. Демон разочарованно взревел, но к «Ласточке» вернулась прежняя скорость.

Компаньон показал мне большой палец, я в ответ сделал то же самое. Возможно, нам не придется принимать соленую ванну. Судя по сфере, осталось немного. Но горизонт оставался пустым. Никакого намека на знакомые места – вокруг сплошь неуютное море.

На фоне быстро темнеющего неба появились две точки. Они быстро приближались, и вот я уже мог разглядеть черные силуэты «Развратников».

«Ласточку» почтил своим вниманием Патруль – ловцы удачи на службе у губернатора. Они поравнялись с нами, узнали приметную расцветку «Шершня», покачали боками, показывая, что отведут нас к дому. Еще бы им этого не сделать. За доводку каждого поврежденного стреколета платят неплохие деньги. Так сказать, принцип «служить и защищать» в действии.

Один из ловцов пристроился впереди, другой держался позади и чуть выше. Сейчас меня это даже не нервировало: я был слишком занят, чтобы думать об их пушках.

Сумерки казались густыми и вязкими, как всегда в новолуние. Мы продирались сквозь них, словно через густую патоку. Впереди показались две одинаковые скалы со срезанными верхушками, и я обрадовался им, словно старым друзьям. До Большой земли осталось всего ничего.

Мы подходили к Черепашьему острову с севера, со стороны дикого берега. Здесь на многие мили – сплошные обрывистые морские скалы, за которыми начинаются невысокие горы, покрытые джунглями. Поблизости нет пригодных для посадки мест; нам следовало перетянуть через хребет к южному берегу.

Под животами обоих «Развратников» полыхнуло тревожно-алым. Сопровождаемые блуждающими огнями, они рассекали тьму, предупреждая Логово о том, чтобы очистили док для аварийной посадки. Ог пошуровал в кабине и выпустил на волю наших ручных огоньков, заставив их вспыхнуть по бокам корпуса.

Горы придвинулись вплотную, я потянул жезл на себя, но «Ласточка» не желала набирать высоту. Мы шли на предельной скорости, в опасной близости от пальм, торчавших на сплюснутых вершинах. Демон, чувствующий скорую свободу, будил воем птиц, спавших на деревьях. Те минуты, что мы шли над Бараньим хребтом, показались мне вечностью. Очень не хотелось в последний момент врубиться носом.

И Небо миловало.

Мы пролетели над чередой водопадов, затем над извилистой лентой реки, почти теряющейся в густых джунглях. Силуэты стреколетов отразились в беспокойной воде. Сельва промелькнула в мгновение ока, и на горизонте показались огни Сан-Винсенте, расположенного на берегу большого залива.

В этот момент призрачная Печать лопнула, захватив с собой еще одну. От оглушительного рева у меня заложило уши. Уверен, мы умудрились разбудить и перепугать все окрестности.

«Ласточка» неслась вперед, точно заговоренная, с каждой секундой опускаясь все ниже. Кажется, напоследок демон решил нас угробить. В брюхе стреколета трещало. Даже сквозь рев и вой ветра я слышал, как отрываются заклепки и рвется металл. Дым из носа валил такой, что я с трудом мог различить, что творится прямо по курсу.

Летевший впереди «Развратник» ушел вверх, тем самым показывая, что дальше нам придется выкручиваться самостоятельно. Промелькнули волны залива, затем узкая белая полоска пляжа, и мне едва хватило времени, чтобы справиться с упрямым куском железа и выровнять его по центру посадочной полосы, по периметру которой призывно мигали огни фэйри.

Я кое-как приподнял нос стреколета, дождался, когда до земли осталось всего ничего, и приложил перстень с камнем Развоплощения к последней уцелевшей Печати. Сразу же наступила оглушительная тишина – мощная магия артефакта усыпила демона. Мы потеряли скорость, и Логово нависло над «Шершнем», ослепляя меня ярким светом.

Под тревожное завывание прикормленных Туллом латимер, едва не задев верхнюю балку разгрузочной линии, мы врубались в Пятый док. От удара о землю стойка передних шасси с душераздирающим хрустом лопнула, и «Ласточка» клюнула носом. Резкий рывок вперед, тут же – назад. В плечи, грудь и живот впились паутинные ремни, вжимая нас в кресла так, что стало тяжело дышать.

Мы, без всякого управления, пролетели на брюхе еще ярдов сорок, осыпая искрами все помещение. Стреколет вылетел с полосы, мимоходом задел огромный остов старого ботика. От удара его развернуло, протащило еще несколько ярдов и вбило в каменную стену.

ГЛАВА 2

в которой повествуется о лепреконах с отсутствием совести, но очень большими средствами, нажитыми не слишком честным трудом.

Когда я открыл глаза, то понял, что Золотой Лес не спешит брать одного из своих детей под сень дубов. Вот уж в чем я уверен точно, так это в том, что в эльфийском загробном мире нет места для орков. А раз на меня тарашится Ог, значит, я все еще жив и нахожусь на Черепашьем острове, после не самой лучшей из своих посадок.

Компаньон уже успел выбраться из кабины и теперь с мстительным видом держал у меня под носом какую-то тошнотворно воняющую дрянь.

- Ы-ы-ы! - сморщился я, отодвигаясь от нее, насколько это позволяли ремни. - Убери!

- Как вижу, ты жив, - сухо произнес он, закручивая пробку пузырька. - А я уж начал думать, что мне некому бить рожу.

- Ты сейчас не в той форме, чтобы драться, - произнес я, избавляясь от ремней.

Он молча протянул руку, помогая мне выбраться. Я спрыгнул на землю и стянул с головы шлемофон. Несколько секунд мы простояли в полной тишине, изучая повреждения стреколета. Затем я несколько виновато протянул:

- Мда... Бывало и хуже, а, партнер?

Ог сплюнул:

- Бывало?.. Мне не хватит пальцев, чтобы подсчитать ущерб, но и так могу выдать тебе окончательный ответ. Мы в полной заднице, партнер. А вот и Тулл...

Я заметил спешащего к нам лепрекона. За ним, едва поспевая, бежали два демонолога.

- Забери меня Небо! Вам жить надоело?! Проваливайте!

Вопил старый высохший стручок. не зря. Демона я, конечно, усыпил, но последняя Печать держалась на соплях. Если сгорит - чудовище вырвется на волю, и лучше бы в этот момент находиться от него как можно дальше. Вряд ли

тварь будет довольна тем обстоятельством, что ее выдернули из Изнанки и гоняли целых десять лет без отдыха.

Мы пошли прочь, оставив магов наедине с потусторонней тварью. Надеюсь, Тулл не зря платит им деньги и они спеленают нашего малыша. Не хотелось бы тратить несколько сотен луидоров на нового. За последний год, из-за амбиций гномов, цены на живущие в Изнанке существа подскочили вдвое.

- Хреново сел, Лас, - сказал мне владелец Логова, когда мы покинули док.

- Ты считаешь?

- Хреново для моего бизнеса, - уточнил он. - С точки зрения летунов ты, конечно, молодец. Другие бы костей не собрали.

- А что с твоим бизнесом? - Я состроил невинную рожу.

- Не придуривайся. Вы разворотили все, до чего дотянулись. Теперь несколько дней на посадку никого не завести. Неужели не видишь, что пропахали целую межу, умники?

- Не бухти. Ты вполне можешь на этом заработать приличную монету.

- Это как? - лепреккон, чувствуя подвох, подозрительно прищурил зеленые глаза.

- Ну... разбей здесь плантацию, посади кофе и продай его куда-нибудь на север. Моим родичам, к примеру. Поверь, затраты окупятся сторицей. Эльфы обожают этот напиток.

Его едва удар не хватил от моей наглости. Тулл поперхнулся, затем побагровел и, раздраженно шипя, начал подниматься по витой металлической лестнице в Гнездо. Ог хмуро посмотрел на меня и двинулся следом за лепреконом.

Ничего не скажешь - повезло. Из сотен тысяч возможных напарников и работодателей мне попались именно те, у кого нет и намека на чувство юмора.

Кабинет Тулла являлся, по сути дела, огромным стеклянным стаканом. Он находился на склоне Логова – самого большого прибрежного холма Сан-Винсенте. Отсюда открывался прекрасный вид на залив, часть города и окрестных гор.

Старый стручок любил водрузиться на стул, закинуть ноги на стол, снять с башки зеленый цилиндр и наблюдать, как стреколеты заходят на посадку в его доки. Каждая посадка – звонкая монетка, капающая в его карман. Любой бы с удовольствием наблюдал да подсчитывал барыши.

Кроме Логова на Черепашьем острове есть еще три площадки, куда можно приземлиться, вдоволь накрутившись в небе. Но все они обладают массой отрицательных особенностей, начиная от цены за стоянку и заканчивая нежелательной публикой, которая постоянно околачивается возле чужих птичек. К тому же мы вели дела через Тулла и не видели необходимости коптиться в Яме, Дыре или Приморском бризе. Конечно, в наших краях имелись и куда более приличные места, чем эти, но они не для таких ребят, как мы. Рожками и кошельками не вышли, чтобы торчать рядом с благородными.

Тулл, не предложив нам сесть, развалился за столом, достал из верхнего ящика янтарную расческу и, по своему обыкновению, начесывал огненно-рыжие бакенбарды до тех пор, пока те не встали дыбом.

Я с трудом сдержал усмешку. Понятия лепреконов о красоте несколько отличались от тех, что приняты во всем остальном цивилизованном мире. Мало того, что рыжие бакенбарды и шевелюра, так еще и повседневный костюмчик этого народца – ядовито-зеленая одежда, малиновые носки, лакированные ботинки с серебряными пряжками и обязательная трость из слоновой кости. Про парадный наряд я вежливо умолчу. От его вида сходят с ума даже спокойные тролли.

Не дожидаясь особого приглашения, я открыл зеркальный бар Тулла.

– Ог, плеснуть?

– Виски.

Когда надо, мой компаньон перестает быть скромным и воспитанным парнем.

- Не смей трогать то, что выдержано больше десяти лет! – поспешно предупредил меня старый хрен. – Оно не для ваших глоток!

- Ты так гостеприимен.

- Дело не в гостеприимстве, а в том, что вы пьете, словно умирающие от жажды верблюды. После каждого вашего прихода я недосчитываюсь бутылки. А то и двух.

- Ничего, – усмехнулся Ог. – Не обеднеешь. Благодаря нам твой бизнес процветает.

- К тому же надо нам отпраздновать мягкую посадку или нет? – подхватил я, передавая виски напарнику и вооружаясь ромом.

- Эльфы должны пить вино, – укорил меня Тулл.

- Считаю меня неправильным эльфом. Кроме того, если верить легендам, лепреконы обязаны кругом держать горшки с золотом. У тебя есть такой горшок?

- Ага! Ночной! Под кроватью! – скривился он, набивая трубку табаком, и кивнул на расчетную каббалистическую доску. – А вот моя радуга. Прошу знакомиться. Я намереваюсь выставить вам счет, умники. За порчу имущества... и виски.

- Он серьезно, Лас? – нахмурился Ог, как раз оторвавшийся от бутылки. Там осталось меньше половины. Орки пьют, как слоны, и пьянеют с большим трудом.

- Расслабься, старина. Он шутит.

- Вот как? – вкрадчиво произнес Тулл, выпустив череду табачных колечек. – И что заставляет тебя так думать?

- Моя врожденная наглость и обаяние. Этот ответ тебя устраивает?

Он засопел и неохотно кивнул. Старый стручок не такой дурак, каким порой хочет показаться. Понимает, что мы все равно ничего не заплатим. У нас просто нет таких денег. Да и не резон ему с нами ссориться. Мы связаны крепкой дружбой.

Простите. Неточно выразился.

Мы связаны крепкими деловыми отношениями, а это для лепрекона – важнее всего. Он отлично понимает, что особый почтовый привозит «горячий» товар, запрещенный законами острова. Владелец Логова, переправляя его дальше, имеет огромные барыши. Так что не в интересах Тулла ругаться со столь ценными летунами, как мы.

– Толку мне теперь от вас, – пробурчал он, словно прочитав мои мысли. – Ремонт «Ласточки» встанет в очень звонкую монету.

– Сколько?

– Не знаю. Не так просто посчитать, как кажется. Надо оценить ущерб. Возможно, внутри стреколета все превратилось в кокосовую стружку. Если так, магам придется хорошенько поработать, а их услуги стоят немало. Если вы в состоянии оплатить издержки, мои ребята начнут работу. Но она займет какое-то время.

Безрадостная перспектива. Нет полетов – нет заданий. Какая тут контрабанда? Мы даже почту не сможем развозить между островами Павлиньевого хвоста. Следовательно, денег в ближайший месяц ожидать тоже не придется.

Ко всему прочему, я совершенно уверен, что средств, имеющихся у нас с напарником, на ремонт стреколета не хватит.

Ог отставил пустую бутылку в сторону и пророкотал:

– Предлагаю другой вариант. Ремонт «Ласточки» проводится бесплатно...

– Я что, так сильно похож на умалишенного?! – возмутился Тулл.

– А после вычтешь луидоры из наших грядущих гонораров, – бесстрастно продолжил компаньон. – Сам понимаешь выгоду. Если мы не прекращаем полеты, твой денежный горшок раздувается от монет, а радуга сияет ярко. Если загорает на пляже – ты остаешься без запрещенных товаров.

– Чушь! Я всегда могу найти кого-то другого.

– Ага. Гоблинам это расскажи. Ты слишком осторожен, чтобы рискнуть связаться с чужаками, – ввернул я. – Вдруг они сдадут тебя Караулу? Хочешь, я расскажу, что полагается за ввоз запрещенных артефактов на территорию Союза? Виселица с прекрасным видом на центральную площадь. Не уверен, что ты согласен обменять радугу на пеньковую веревку.

– Ну, ты еще высунь башку в окно и заори об этом на весь город! – зло бросил Тулл. – Ладно, Небо с вами! Согласен на такое предложение. Но с условием: половина вашего вознаграждения с каждого задания будет уходить мне, пока не покроются издержки за ремонт. И оплата за работу снижается на пятнадцать процентов.

– Что?! – взревел Ог. – А пряжки на ботинках тебе не почистить?

– Было бы неплохо, – невозмутимо прокудахтал Тулл. – Я рискую своими деньгами. Это подстраховка на случай, если вы не выполните обязательств. Или ваша следующая посадка будет не столь мягка, как нынешняя, и мне придется отскрести ваши останки со стенок кабин.

– Не пойдет, – отрезал я. – Мы рискуем гораздо больше, чем ты. Я не буду летать через половину моря за запрещенной дрянью только ради того, чтобы ты смог купить себе новый цилиндр. Четыре процента – это все, что мы готовы тебе скинуть. И только по старой дружбе.

– Десять.

– Три.

– Восе... эй! Мне показалось или ты только что сказал...

– Два.

– Вы, эльфы, хуже гномов! Пять и это мое последнее предложение! Иначе забирайте свою грудку железа и проваливайте из Логова на все четыре стороны!

Мы с Огом переглянулись, и он вздохнул:

– Хорошо, Тулл. До той поры, пока не отработаем ремонт – минус пять процентов от стандартной оплаты.

– Вот и замечательно! – повеселел владелец доков. – Я рад, что мы смогли договориться.

Еще бы ты не рад, рыжий стручок! Пользуясь нашим бедственным положением, выбил для себя замечательные условия, ничего при этом не потеряв. Что же, на какое-то время придется затянуть пояс. Но как только представится случай – я буду первым, кто выбьет из Тулла не только прибавку к жалованью, но и его фамильные серебряные пряжки и алмазные запонки. Мы два с лишним года рисковали шеей ради лепрекона. То, что нас ни разу не подцепили с «горячими» артефактами – просто чудо. Дважды наши задания были на грани провала, и спасало лишь то, что мы известны на всем архипелаге Павлиньюго хвоста как самые опытные почтовые курьеры, которые не единожды оказывали услуги независимым островам Союза.

– А уж мы-то как рады, Тулл. Просто плачем от счастья, – я отхлебнул рома. – Хм. «Круситский»?

– По бутылке что, не видно? – хмыкнул он. – Это тебе не «Сан-Рафаэль» или «Атакамес». Ром высшего сорта. Дороже только у губернатора.

Это точно. У нашего славного дона Сиксто в подвалах то же самое пойло, но проданное стариной Туллом в два раза дороже той цены, по которой он покупает напиток на острове Крусита.

– Вы, между прочим, не хотите мне ничего передать? – Лепрекон выбил выкуренную трубку и воззрился на нас, словно рыжий кот на мышей.

Я усмехнулся, залез в карман правой штанины комбинезона и вытащил маленький цилиндр, запечатанный сургучом.

– Тебе письмо, мерзкая акула.

Он хохотнул, хотя я и не думал шутить. Ловко поймал послание, разломал печать. На свет появился листок тростниковой бумаги.

– Что бы я без вас делал, ребята? Обожаю почту. В особенности когда пишу любимые внуки, – улыбнулся он, скомкал письмо и, не глядя, бросил на пол.

– Даже не прочтешь?

– А зачем? – удивился Тулл. – Я и так знаю, что там накалякано. Опять просят денег, лодыри!

Из футляра на сморщенную ладонь упало два светло-желтых камушка. Каждый из них был величиной не больше просяного зернышка.

Лиснейские камни. По пять сотен луидоров за штуку или пожизненное на серебряных рудниках, если тебя поймают за продажей или перевозкой.

Подобные игрушки входят в первую десятку запрещенных «горячих» товаров и находятся под номером шесть в списке для смертников-контрабандистов. А все оттого, что таким камушком можно снять с себя самое страшное проклятье и даже отвести высшие заклинания черной магии. Также, с их помощью, возможно призвать демона и поручить убить конкурента. В общем, мерзкие штучки.

– Да. Все в порядке. – Тулл придирчиво изучил камни и спрятал их во внутренний карман жилета. – Не смею вас больше задерживать.

Я улыбнулся, на краткое мгновение приложился к рому и сказал:

– Мы с радостью тебя оставим, как только ты заплатишь. И не делай такое изумленное лицо. Наш договор вступает в силу лишь со следующего рейса. За эти зернышки изволь расплатиться честь по чести.

Тулл, кряхтя, полез в ящик стола. Кажется, он собирался умереть, что и неудивительно. Всем известно, для лепрекона расстаться с деньгами – самая большая трагедия в жизни.

– Забирайте и проваливайте. У меня от вас уже голова болит.

Ог сгреб деньги. Не спеша пересчитал. Кивнул, подтверждая, что все правильно.

– Доброй ночи, Тулл. С тобой всегда приятно иметь дело, – сказал я и, не расставаясь с бутылкой рома, направился к двери.

– Эй! Лас! Совсем забыл спросить – кто это вас так хорошо продырявил? Вы едва сели.

– Морской народ, – ответил Ог, прежде чем я успел открыть рот.

– Морской народ? – эхом отозвался порядком изумленный Тулл. Он явно счел, что Огу удалось невозможное – опьянеть с одной бутылки виски.

– Шли над водой, на бреющем. Вот тут они нас и достали. Лупанули прямо из-под воды «Коралловой завесой».

– На кой вы им сдались? У них с Союзом уже лет двадцать как перемирие.

– Мы-то откуда знаем? Если тебе интересно – сплавай к ним да спроси. Можешь еще от нашего имени выставить счет за «Ласточку», – прогудел Ог.

И мы, не дожидаясь следующего вопроса, покинули берлогу лепрекона.

ГЛАВА 3

в которой все узнают, что не слишком трезвые летуны неспособны не лезть в чужие дела.

Жар, поднимавшийся от залива, прогретого за день, заставлял огни Сан-Винсенте дрожать и мерцать. словно в эту ночь из джунглей прилетели гигантские светлячки и расселись на всех окрестных холмах. Сейчас они казались куда ярче крылышек фэйри, обслуживающих полосы Логова, – ребята старательно светили синим, зеленым и красным, показывая летунам, задержавшимся в небе, место для посадки.

Лишь когда мы оказались на берегу, Ог остановился, засунул руки в карманы испачканного комбинезона и полной грудью вдохнул влажный воздух тропической ночи. Я не спешил начинать разговор – слушал несмолкаемый стрекот пальмовых цикад и песни древесных лягушек. Наконец орк достал кيسет, трубку, задумчиво посмотрел на них и убрал обратно, сказав мне совсем не то, что я ожидал услышать:

– Иногда для того, чтобы появился вкус к жизни, следует пройти между небом и землей.

– Ты только что озвучил одну из старых философских мыслей моего народа. Уверен, что у тебя нет родственников среди эльфов?

Ог с сомнением посмотрел на меня и усмехнулся:

– Уверен. Никто, кроме меня, не способен терпеть ваше заносчивое племя.

– За это стоит выпить. – Я предложил ему рома, но компаньон жестом показал, что не собирается изменять своей любви к виски.

Начался отлив. По белому влажному песку деловито засуетились в поисках поживы большие бледно-желтые крабы. Завидев нас, они бросались врассыпную, раздраженно щелкая клешнями. Ог проводил одного из них задумчивым взглядом:

– Нам придется на время забыть о веселых пирушках. Как бы не пришлось крабов ловить.

Едва речь зашла о нашем невеселом финансовом положении, вкус рома потерял все свое очарование.

– Дела не так плохи. Да и крабов нельзя назвать невкусными. А насчет пирушек... Не помню за последнее время ни одной. Мы только и делаем, что пашем. Налетали девять тысяч часов за неполных два года. Но с деньгами скоро будут проблемы. Ты совершенно прав.

Какое-то время мы шагали молча.

Не задерживаясь, прошли мимо перевернутых лодок, длинных и пропахших рыбой. Свернули в город. Этот район славился кабаками, игорными заведениями и публичными домами на самые разные вкусы. Здесь можно было встретить ловцов удачи, наемников, контрабандистов, собирателей тростника, искателей сокровищ, продавцов магических товаров, шарлатанов, матросов, летунов, рыбаков, рабочих доков, приезжих с континента и других островов Союза. Все веселились, кто во что горазд: пили, жрали, курили траву, заправлялись порошком морского народа, лапали девок, танцевали, играли в кости и карты, обсуждали грядущие и свершившиеся походы, полеты, сражения, обманывали и умирали.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

1

Сваливание – термин, обозначающий состояние стреколета, при котором тот неспособен продолжать полет из-за нехватки скорости. Сваливание обычно

происходит при длительном наборе высоты и горизонтальном полете на малых скоростях. В таких случаях стреколет попросту «клюет носом» и, пока не наберет требуемую скорость, – падает.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksey-pehov/osobyu-pochtovyy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)